

Образы города

СУРГУТ: ОБРАЗЫ И ПРОСТРАНСТВА «НЕФТЯНОГО ГОРОДА»

Игорь Николаевич Стась,

аспирант кафедры истории и культурологии

Гуманитарного института Тюменского государственного нефтегазового университета

E-mail: igor.stas@mail.ru

В статье на примере Сургута даётся характеристика основных географических образов и геокультурных пространств «нефтяного города» Западной Сибири. Отмечаются ведомственные генезис и структура городского пространства. Анализируются поиски новой идентичности города, связанной с историческими и современными (в том числе псевдоисторическими) контекстами, и попытки «преодоления» промышленных образов. Нефтяные города Западной Сибири представлены как образцы эксцентрических городов с эсхатологическими образами будущего после истощения природных ресурсов.

Ключевые слова: ведомственный посёлок; географический образ; историческое пространство; городская среда; нефтедобывающая промышленность; «нефтяной город»; эксцентрический город; локальная идентичность.

УДК 911.375:622.32(571.122-21)

«Нефтяные города»

«Нефтяные города» Западной Сибири стали появляться в начале 1960-х годов, когда на севере Тюменской области, в Ханты-Мансийском автономном округе (далее – ХМАО) были открыты нефтяные месторождения, и началась их промышленная эксплуатация. Предпосылки формирования городов для рабочих были заложены геологическими экспедициями, которые действовали на севере Западной Сибири с 1948 г. Открытия первых нефтяных месторождений в Шаиме, Усть-Балыке, Мегионе способствовали стихийному возведению пунктов расселения рабочих кадров. Так появились рабочие посёлки Урай (1962 г.), Нефтеюганск (1964 г.), Мегион (1964 г.), Нижневартовский (1964 г.). Выявление всё новых запасов и огромных месторождений нефти (Западно-Сургутское, Самотлорское, Мамонтовское, Аганское, Правдинское) лишь подтвердили, что для промышленного освоения региона требовались большие людские ресурсы. Тюменская область не обладала необходимым для обслуживания формирующейся нефтедобычи количеством населения. Основные нефтяные ведомства принялись заселять нефтедобывающие районы колоссальными людскими ресурсами, прибывающими со всего СССР. Неконтролируемый рост поселений и масштабная миграция формировали *новую систему расселения* в северных районах Западной Сибири.

Эта новая система расселения была сформирована в конце 1960-х годов. В историографии она получила название «*базовый город – вахтовый посёлок*». На территории четырёх основных нефтедобывающих районов ХМАО – Шаимского, Юганского, Сургутского, Нижневартовского – были построены четыре базовых города нефтяников: Урай (статус города присвоен в 1965 г.), Сургут (1965 г.), Нефтеюганск (1967 г.) и Нижневартовск (1972 г.).

Непосредственная эксплуатация месторождений осуществлялась вахтовым методом: нефтяники выезжали из базовых городов к местам нефтедобычи на несколько недель, по окончании работы их заменяла новая вахта, и они возвращались к семьям в базовые города.

В советский период темпы роста нефтедобычи постоянно увеличивались, поэтому базовые города продолжали интенсивно разрастаться. В 1980-е – начале 1990-х годов девять бывших вахтовых посёлков стали городами: Мегион, Когалым, Нягань, Лангепас, Радужный, Белоярский, Пыть-Ях, Лянтор и Покачи. Только с падением объемов нефтедобычи в 1990-е годы приостановился масштабный рост городского населения в ХМАО. Некоторые населённые пункты нефтяников стали по-настоящему крупными городами: по данным на 1996 г. численность населения Сургута составляла 266 тыс. чел., Нижневартовска – 236 тыс. чел., Нефтеюганска – 97 тыс. чел. [Города... 1997: 12]. По итогам переписи населения 2010 г. в Сургуте проживало уже 306,7 тыс. чел., в Нижневартовске – 251,8 тыс. чел., в Нефтеюганске – 123,2 тыс. чел. [Предварительные... 1997: 19]. Сургут вместе с расположенным неподалёку Нефтеюганском и прилегающими поселками образовал агломерацию с населением в пол-миллиона человек.

«Ойкос» главка

Городская среда нефтяных городов была создана не «с нуля», как это может показаться на первый взгляд. До начала нефтегазового освоения на территории ХМАО существовали три поселения с городскими чертами: Ханты-Мансийск, Берёзово и Сургут. Однако большинство «нефтяных городов» создавались либо на базе сельских поселений, либо же вовсе не имели никакого основания. На территории ХМАО *преемственность* при смене схем расселения, по нашему мнению, наблюдалась *только в Сургуте*. При возведении других городов (Нефтеюганска, Нижневартовска, Урая, Нягани и Лянтора), предшествующие им поселения не имели большого значения ни при выборе места строительства нового города, ни при последующем его развитии. Несмотря на открытие первого газового месторождения в 1953 г., некогда значимый населённый пункт село Берёзово так и не вернул себе статус города, а был преобразован лишь в рабочий посёлок. Даже столица округа Ханты-Мансийск не стала опорной базой нефтяников. Сосредоточение расселения при нефтегазовом освоении происходила главным образом в районе города Сургута, где были открыты наиболее богатые залежи нефти, размещался удобный речной транспортный узел и сложившееся поселение для расквартирования первых рабочих.

Главными акторами развития Сургута в 1960-е – 1980-е годы были главки разных министерств, которые осуществляли нефтегазовое освоение: «Главтюменнефтегаз», «Главтюменнефтегазстрой», «Главтюменгеология».

Воспользуемся тезисом Макса Вебера о наличии в городе «*ойкоса*» вотчинника или князя (правителя) и крупных потребителей [Вебер 1990: 309-330] как необходимых признаках города. Чем же был этот «ойкос» в «нефтяных городах» Западной Сибири? Это были хозяйства градообразующих предприятий. Новые города по существу были *ведомственными*: весь жилищный фонд в них принадлежал главкам – современным «вотчинникам». «Многочисленные главки, как удельные княжества, независимо друг от друга, а нередко и в ущерб друг другу пытались вести свое хозяйство, что наносило значительный урон государству» [Алексеев, Ламин 1989: 242]. Термин «города-ведомства» как сравнение с канадскими «городами-монополиями» получил широкое распространение в сибирской историографии, особенно при характеристике Сургута [Гаврилова, Карпов 2002]. В какой-то степени в нём действительно осуществлялось феодальное управление, а руководители главков превращались во всеильных князей, которые занимались промышленным освоением и строили города.

Одним из таких «ведомственных князей» был руководитель «Главтюменнефтегаза» В.И. Муравленко, которого называли «нефтяным королём Сибири» [Карпов, Гаврилова 2002: 65]. Эту аналогию хорошо понимали современники. Настоящим создателем и хозяином городов показан В.И. Муравленко в документальной повести «Нефтяник»:

Эти новые нефтяные города виделись Виктору Ивановичу словно наяву. Он ходил по их улицам, заглядывал в жилые дома, школы, кинотеатры, клубы, парки, скверы [Юрасова, Юрасова 1981: 100].

Шли по улице нефтяного Сургута – пока единственной, мимо брусчатых домов, похожих друг на друга и на те, что видел Виктор Иванович в Урае. Уньлые, неуклюжие. Будто на один барак взгромодили второй и получилось двухэтажное строение. Даже домом его трудно назвать... Муравленко смотрел и морщился. Не такими ему хотелось видеть новые дома нового нефтяного Сургута [Юрасова, Юрасова 1981: 115].

Вместе с тем в повести персонажу В.И. Муравленко дано понимание своей «княжеской» сущности; он осознаёт, что ведомства *противодействуют* городу. Вот как реагировал руководитель главка на сравнение посёлков с хуторами:

Пожалуй, не хутора, – Виктор Иванович широко развел руки, – целые удельные княжества, да, да, ведомственные удельные княжества, – повторил он, – со своей многочисленной службой. Как же, каждое ведомство строит свою котельную, свою электростанцию, свой водопровод, свою баньку, прачечную, пекарню, все своё, своё... а не сургутское, хотя живём-то мы на сургутской земле [Юрасова, Юрасова 1981: 126-127].

Город из посёлков

Для Сургута подобной «княжеской» фигурой выступал геолог Ф.К. Салманов. В краеведческом нарративе его называют «человеком, возродившим наш город». В 1957 г. под его руководством в селе Сургут высадилась геологоразведочная экспедиция, и населённый пункт получил статус посёлка городского типа. Благодаря этому человеку в Западной Сибири были открыты огромные залежи нефти. Впоследствии Ф.К. Салманов возглавлял «Главтюменгеологию». Его именем в городе названы улица и гимназия. Ему посвящён дом-музей геологов-первопроходцев, на территории которого был поставлен его бюст.

Итак, в 1960-е годы возле старого Сургута ведомства располагали свои пионерные посёлки для рабочих, создавали в них своё собственное хозяйство. Между посёлками не существовало нормальных коммуникаций, дорог. Город не был единым, а посёлки выступали своеобразными «островами в лесу». Строительство в 1970-е годы ГРЭС и железнодорожного узла способствовало ещё большей фрагментации городского пространства. К 1980-м годам Сургут состоял из *разрозненных и обособленных* ведомственных крупных (речников, рыбников, геологов, энергетиков, строителей, нефтяников, железнодорожников) и небольших (Медвежий угол, Лунный, Звёздный, Кедровый, Взлётный, Юность и др.) посёлков, а также исторически сложившихся поселений (старый город, посёлок Чёрный мыс).

Центры ведомственных поселков формировались вокруг Дворцов культуры и прилегающих к ним площадей. В Сургуте такими функциями обладали Дворцы культуры «Магистраль», «Нефтяник», «Строитель», «Энергетик», «Геолог». После развала СССР некоторые из них были разрушены, другие реорганизованы в специализированные культурные учреждения – театр, филармонию. Дворцы культуры располагались на площадях, на которых проходили основные культурные мероприятия, праздновались профессиональные праздники – день нефтяника, день железнодорожника и т. д. Площади также имели «профессиональные» названия. Получили распространение Дома спорта – «Локомотив», «Геолог», «Нефтяник». В каждом ведомственном посёлке был небольшой рынок. Некоторые из рынков переме-

щались в собственные здания; так появлялись торговые центры – «Железнодорожный», «Строитель». Возле самых больших посёлков образовывались парки и скверы – «Нефтяник», Геологов, Энергетиков, Железнодорожный. Центральные улицы в микрорайонах наследовали названия своих посёлков: улицы Привокзальная, Строителей, Нефтяников, Энергетиков, Рыбников, Геологическая.

В посёлках преобладали личные контакты жителей друг с другом, и в некоторой степени город рос и расширялся посредством соседских связей. Однако в постсоветский период заселение микрорайонов-посёлков *новыми* жителями дало толчок к потере ведомственной идентичности поселчан. В микрорайоне появлялось всё больше жителей, которые никогда не работали на посёлкообразующем предприятии – их никто не знал, и они не стремились к знакомству. Таким образом, постепенно *терялся* поселковый, соседский, деревенский компонент общественных отношений в нефтяном городе. Отношения превращались в *обезличенные городские*.

Именно через такие ведомственные элементы формировалось современное городское пространство Сургута. Сегодняшний архитектурный облик города в некоторых микрорайонах продолжают определять двухэтажные брусчатые дома, которыми раньше застраивались ведомственные посёлки. Также кое-где в центральной части города можно встретить *балки* – следы стихийного освоения нефтедобывающего района.

Ведомственные микрорайоны-посёлки, а не улицы выступали основными ментальными и повседневными градообразующими элементами нефтяных городов Западной Сибири. Но жители нефтяных городов по-прежнему идентифицируют себя с этими посёлками. На вопрос «где ты живёшь?» сургутянин скорее всего ответит: «на Нефтяников» или «на ЖД». Дробление города на микрорайоны особенно характерно для Нефтеюганска. Город строился по микрорайонам, и каждый новый микрорайон получал свой номер. Нумерация и деление домов по улицам была введена только в начале 2000-х годов. Однако горожане до сих пор не привыкли к улицам, и не используют их для ориентации в городе. Например, на вопрос «где улица Ленина?» нефтеюганец переспросит: «А это в каком микрорайоне?». Обычный адрес в городе звучит так: «11-й микрорайон, 11-й дом, 11-я квартира». Один студент из Нефтеюганска так пояснил мне это: «Мы привыкли к тому, где располагаются дома в микрорайонах (линейное расположение улиц и малый размер города этому помогает), а улицы, по сути, переделывают карту города».

В поисках Центра

Капитальная застройка Сургута, осуществлявшаяся в 1980-е – начале 1990-х годов, *соединила* некоторые ведомственные посёлки. На месте пустоши и леса между посёлками протянулись главные городские магистрали, а посёлки неофициально стали именоваться микрорайонами. Город расширился за счёт пяти- и девятиэтажных крупнопанельных домов, которые сформировали его современную городскую среду и ландшафт.

Центральный проспект Сургута получил имя Ленина только в сентябре 1987 г. Тогда же в конце 1980-х годов проспект стал оформляться как *главная* магистраль города. Сегодня он пересекает весь центральный жилой массив и представляет собой ломаную линию, соединяющуюся площадями. Фрагментация Сургута на посёлки способствовала организации основных улиц города не по регулярному, а скорее по полицентрическому «барочному» плану: «с несколькими взаимосвязанными узлами площадей и важных зданий, с монументальными осями и композиционными архитектурными точками в интервалах между площадями» [Груза 1972: 25-26].

«Ломаный» проспект им. Ленина имеет следующие связующие элементы:

1. Магистраль начинается у главного здания Сургутского государственного университета, которое из-за формы в просторечии именуется «Корабль».

2. Перекрёсток с улицей Университетской, где располагаются монументальные бизнес-здания «Тюменьэнерго» и «Газпром трансгаз Сургут».

3. Площадь 400-летия Сургута – главное автомобильное «кольцо» города у пересечения проспекта с улицами Островского и Майской. 15-метровый памятник основателям города.

4. Торговый и гостиничный комплекс «City Centre» и площадь «Аврора» с одной имённой скульптурной композицией и кинотеатром.

5. Вторая по значимости автомобильная развязка в городе, от которой берёт начало проспект Мира. Сквер «Молодёжный» и главные здания градообразующего предприятия «Сургутнефтегаз».

6. Перекрёсток с улицами Чехова и Энтузиастов – один из самых оживлённых в городе.

7. Перекрёсток с улицами Киртбая и Профсоюзов, возле которого располагаются автовокзал и здание нефтедобывающего управления «Быстринскнефть».

Вместе с тем нельзя с уверенностью сказать, что в Сургуте вообще сформирован центр города. Он как будто *рассеивается* по обширной городской территории. Административные и культурные учреждения (библиотека, администрация города, театр, музей, кинотеатр), скверы и парки, торговые центры и гостиницы, памятные места, значимые архитектурные символы, которые конструируют образ единого центра, слабо концентрируются на главном проспекте и прилегающих к нему улицам города. Они скорее выступают *центрами своих микрорайонов*. Причина видится всё в том же ведомственном характере застройки. Неудивительно, что многие гости города отмечают, что у Сургута отсутствует «лицо».

Город в поисках «лица»

На протяжении 1960-х – 1980-х годов основной геокультурный контекст Сургута был связан с нефтегазодобывающей промышленностью и геологоразведочными работами. Сургут рассматривался как «центр нефтегазодобычи», «нефтяной город», «нефтяная столица России», «город геологов». На основе этого контекста создавались памятные места города, писался *мифопоэтический нарратив* города. Многие улицы в Сургуте были названы в честь известных нефтяников, газовиков, геологов.

Вместе с тем ландшафтный текст города *не обладает* значимым знаковым местом, которое бы аккумулировало «нефтегазовые» и «геологические» образы. Таковую символическую функцию уже не выполняет стела «Разорванная труба, или Факел», представляющая собой газовый фонтан. Она была поставлена в начале 1980-х годов. С того времени население города выросло в два раза, и многие – особенно молодые горожане – сегодня не понимают, что изображает и чему посвящён монумент. Отчасти эта функция перешла к недавно открытому мемориальному комплексу геологов-первопроходцев «Дом Ф.К. Салманова» – однако комплекс находится на окраине города и не имеет достаточной «рекламной» поддержки, из-за чего многие горожане даже не знают о его существовании.

Запрос на ландшафтный символ, который бы *объединил* промышленный контекст города и показал его уникальность, осознаётся муниципальными властями и экономической элитой Сургута. Заместитель главы города Я.С. Черняк так высказался по этому поводу: «Сургут в отличие от многих городов – *город двух рождений*. Поэтому мы изначально думали о том, что должны быть два мощных «скрепа времени» – памятник первым основателям Сургута, историческим личностям, и памятник основателям *Сургута промышленного, современного города*. Эта идея вот-вот станет явью. ОАО «Сургутнефтегаз» уже не первый год работает над воплощением этого замысла. Это будет памятник не только нефтяным профессиям, это будет памятник всем основателям *нового Сургута*» [Никора 2012: 5]. Однако «памятник основателям Сургута промышленного» до сих пор остаётся городской мечтой.

В постсоветский период городской нарратив, базирующийся на «нефтегазовом» и «геологическом» контексте, расширился за счёт обращения к другим образам сюжета нефтегазового освоения Западной Сибири – «транспортному», «строительному», «энергетическому». Улицы города получают имена в честь видных деятелей периода нефтегазового освоения: строителей, энергетиков, партийных и городских руководителей. В городе появляются новые и реставрируются старые знаковые места – памятники «Первым строителям Нового Города», речникам, строителю, авиаторам, первому тепловозу. На базе исторического факультета Сургутского государственного университета идёт работа по написанию истории города и ХМАО, что призвано сформировать *академический* дискурс города. Сургут как бы стремится показать, что город – это не только нефть и газ. Готовятся исследования по строительству железной дороги «Тюмень – Сургут», истории Сургутской ГРЭС-1 и ГРЭС-2, градостроительству, развитию лесной промышленности, культурных учреждений, становлению образовательной сферы.

Новое «центрирование» городского пространства и придание ему современного «капиталистического» вида осуществляется сегодня за счёт строительства зданий нефтяных и энергетических компаний: ОАО «Сургутнефтегаз» и нефтегазодобывающих управлений «Сургутнефть», «Быстринскнефть», «Федоровскнефть»; ОАО «Газпром трансгаз Сургут»; ОАО «Тюменьэнерго». Одновременно эти новые бизнес-центры, куда не каждый может войти, с зеркальной архитектурой и ярким контрастом с прилегающими крупнопанельными многоэтажными и брусчатыми двухэтажными серыми домами, только усиливают пространственную *сегрегацию* в городе. Людей в городе можно разделить на тех, кто работает в градообразующих предприятиях (а, значит, получает высокую зарплату), и на тех, кто там не работает. Образовывается дистанция между нефтяниками, газовиками и энергетиками – с одной стороны, и теми, кто их обслуживает – с другой.

История и симулякры

Несмотря на то, что Сургут – один из первых русских городов в Сибири (основан в 1594 г.), город *не имеет* сколько-нибудь выраженного исторического пространства. В 1960-е – 1980-е годы деревянная часть города постепенно уничтожалась. Практически всё население города составляли приезжие, а коренные жители становились меньшинством. Горожане *теряли идентичность*, связанную со *старым городом*. Формировался геокультурный образ «*нового города*». Историческая деревянная застройка полностью уничтожалась по генеральному плану 1979 г.

Так было и со мной в период учебы в 1969–1974 гг., когда, возвращаясь на короткую побывку, я с трудом находил свой деревянный, ставший вдруг почему-то маленьким, дом, который всё ближе и ближе обступали пятиэтажки. И, наконец, вернувшись из армии, я вообще не обнаружил его, а родных искал по адресу на конверте [Сидоров 2006: 6].

За два года снесено больше пол-Сургута. Бульдозер строителей прошел с одного края села до другого, не встретив никаких препятствий на своём пути. Никто из старых жителей не возражал против сноса прежних построек, наоборот, все хотели быстрее перебраться в благоустроенные квартиры [Захаров 1983].

Во многом потеря идентичности способствовала тому, что старый Сургут был полностью застроен типичными, и оттого безликими, крупнопанельными многоэтажными домами. Историческая *преемственность* при становлении нового промышленного Сургута скорее имела форму подавления и разрушения предшествующего поселения, его традиций и культуры. Однако стоит отметить, что непосредственная локализация древнего и современного Сургута практически не изменилась: пространство старого города стало микрорайоном нового.

Сегодняшний Сургут – это *город без исторического центра*. Местные власти и общественность сделали попытку возродить историческое пространство города. В 1980-е годы городское сообщество осознало, что теряет историческую идентичность. Дискуссии о возведении в Сургуте музейно-этнографической зоны и сохранении части исторической застройки начались в 1982–1983 гг. Однако только в постсоветский период в Сургуте был образован историко-культурный центр «Старый Сургут», получил развитие музей «Купеческая усадьба “Дом купца Клепикова А.Г.”». Это историко-этнографические комплексы, которые *воспроизводят* сургутское деревянное зодчество рубежа XIX–XX вв. Они были возведены в пределах того места, где когда-то стоял исторический город. Целью строительства комплексов было сохранение исторической преемственности от города-крепости и купеческого города к промышленному и «нефтяному» городу.

В 1990 – 2000-е годы наибольшую привлекательность среди местных властей и городской интеллигенции получили историко-краеведческие и культурные проекты. Администрация города пытается «удлинить» историю Сургута. Конечно, город как крепость был заложен в конце XVI в., однако между той крепостью и сегодняшним городом не осталось никакой связи, кроме именованья и территориальной локализации. В краеведческой литературе популярен образ Сургута как «древнего города на Оби», «города-крепости», «купеческого города». Для визуального подтверждения «историчности» города возводятся не только историко-культурные и музейные комплексы – последовала легитимация исторической идентичности посредством привнесения в ландшафт древних символов и монументов, посвящённых значимым деятелям дореволюционной истории Сургута. Так, в городе появились памятники чёрному лису (символ пушного промысла, изображён на гербе города) и Ермаку. Особым событием для жизни города стало возведение памятника основателям города на Площади 400-летия Сургут в 2002 г. Композиция состояла из четырёх скульптур: князя Фёдора Барятинского, воеводы Владимира Оничкова, священнослужителя и казака-строителя.

Однако даже здесь проявляется «ведомственное» мышление. Так, почти 4-метровый памятник Ермаку – этот масштабный исторический символ Сибири – был поставлен на территории гостиницы газовиков «Ермак». Памятник располагается в месте, где его никто не заметит, тем самым никак не способствуя обогащению культурного ландшафта города. Более того, расположение памятника создает неуместную смысловую коннотацию между Ермаком как завоевателем Сибири и гостиницей «Ермак». Памятник превращён лишь в элемент убранства отеля.

Исторический и культурный контексты в архитектурном ландшафте города сегодня активно заполняются религиозными зданиями. Масштабная миграция в регион привела к тому, что ХМАО стал одним из самых многонациональных регионов России, а Сургут превратился в мультирелигиозный центр. За пару десятилетий в городе были возведены внушительные православные храмы, мечеть, церковь христиан-баптистов; строится католическая церковь. Строительство православных храмов способствовало тому, что в 2011 г. из состава Тобольско-Тюменской епархии была выделена Ханты-Мансийская и Сургутская епархия.

Новое историческое и культурное пространство *не воспринимается* местными жителями как *подлинное* историческое сердце города. Музейные комплексы выступают ярким примером *архитектурно-пространственных симулякров*. Об этом предупреждала архитектор А.А. Медведева во время дискуссии о сохранении старого Сургута в 1983 г.: «И куда бы мы ни перенесли старые дома, это будут уже не исторические дома, а среднеарифметические, если можно так выразиться. Здесь интересен сам старый город» [Чтоб не прерывалась... 1983]. Точная стилизация и причудливость музейных комплексов, религиозных зданий, монументальность памятников героям древности на фоне капитальных многоэтажек и бизнес-центров только подчёркивают неестественность «исторического» пространства, копирующего то, чего нет в оригинале. Это скорее игра определённых городских сообществ:

властей, национальных общин, краеведов, части интеллигенции... Таким образом, по нашим полевым исследованиям можно судить, что в Сургуте отсутствует пространство, которое бы полностью концентрировало в себе функции исторического и культурного центра.

Художественные и креативные элиты пытаются конвертировать ведомственное и социалистическое пространство города в *новое*, отвечающее туристическим, молодёжным и – шире – *современным* потребностям. Общественность самостоятельно, а также при поддержке муниципальных властей, создаёт притягательные образы и бренды: «город юмора», «культурный город», «Сургут литературный», «город спорта», «город больших возможностей».

Городская среда преобразуется посредством возведения смешных и ироничных малых скульптурных форм: «Охотник с собачкой», «Санчо Панса на осле», «Строитель “Железный человек”», «Улыбка», «Газовики-земляки», «Лось с метлой», «Кот учёный», «Царевна-Лягушка», «Золотая рыбка», «Доктор Айболит» и др. Появляются памятники писателям А.С. Пушкину, Т.Г. Шевченко; известному местному краеведу И.П. Захарову. Возводятся торгово-развлекательные центры, не уступающие размерами столичным.

Эксцентрический город

Несмотря на то, что Сургут – крупнейший город в ХМАО, в местном архитектурном ландшафте практически не нашла отражения традиционная культура коренных народов округа – ханты и манси. В городе не распространена стилизация зданий под юрты (чего не скажешь о столице округа – Ханты-Мансийске). Это объясняется тем, что, из-за отсутствия нефтяных месторождений, национальная и культурная функции в ХМАО были отданы столице, а за Сургутом закрепилась промышленная составляющая. Чтобы не отнимать туристический и культурный «хлеб» у Ханты-Мансийска, Сургут «самоустранился».

Ю.М. Лотман указывал, что город в пространстве находится «в двояком отношении к окружающей его Земле: он может быть не только изоморфен государству, но олицетворять его, быть им в некотором идеальном смысле (Рим-город), но он может быть и его антитезой» [Лотман 2000: 320]. Эти признаки позволяют выделить *концентрические и эксцентрические города*. В первом случае город, сооружённый как храм, как посредник между землёй и небом становится *центром*, обретает ведущее положение по отношению к каким-либо другим поселениям. Во втором – эксцентрический город располагается «*на краю*» культурного пространства и вопреки природе, находится в борьбе с нею. Ю.М. Лотман отмечал, что вокруг такого города концентрировались «эсхатологические мифы, предсказания гибели, идея обречённости и торжества стихий» [Лотман 2000: 321].

Сургут – яркий пример именно эксцентрического города. Он находится вдали от крупных городских центров (до Тюмени – 800 км). Строительство Сургута в период нефтегазового освоения происходило в явной борьбе с природой. Ограничения строительства и урбанизации связаны с размером и месторасположением ХМАО; заболоченностью территорий и «слабым» грунтом; неудобным для строительства рельефом; неблагоприятным холодным климатом; недостаточными запасами местного природного строительного сырья. Несмотря на все эти ограничения, город был построен.

«*Эсхатологические мифы*» и «*предсказания гибели*» в отношении нефтяных городов Западной Сибири появились одновременно с их рождением. В 1960-е годы между градостроительными институтами, ведомствами и Госпланом СССР шла дискуссия о целесообразности строительства на севере Западной Сибири городов для нефтяников. В поисках ответа на этот вопрос в Тюмени в 1966 и 1968 гг. проводились конференции по проблемам градостроительства в нефтегазоносных районах Тюменской области. Противники строительства городов небезосновательно заявляли, что жизнь «нефтяных городов» имеет жёсткую корреляцию с периодом эксплуатации нефтяных месторождений, который обычно составляет 20-40 лет. Однако города было решено строить.

Сегодня перед многими – особенно, конечно, малыми – городами ХМАО нависла угроза превращения в «города-призраки». Сургут – не исключение. Видимо, город в ближайшие полвека не избавится от моногородской нефтедобывающей сущности. Городская жизнь будет подчиняться субординации отраслей нефтегазодобычи. В Сургут продолжает приезжать молодёжь за «длинным рублём». В интернете, на форумах, посвящённых Сургуту, можно увидеть, что многие хотят уехать отсюда в более тёплый и большой город (наиболее популярны Москва, Санкт-Петербург, Тюмень, Екатеринбург и Омск), однако остаются здесь из-за высоких зарплат. Вот некоторые *эсхатологические ассоциации*, которые вызывает Сургут у «форумчан»:

- 1) «Сургут – это дойная корова для всех»,
- 2) «Город построен на “костях” остяцкой (ханты) культуры. Дух тайги мстит будет»,
- 3) «Сургут» (намёк на повышенную долю представителей кавказских народов),
- 4) «”мой город”, но я не хочу, чтоб мои дети росли здесь»,
- 5) «это будет мёртвый город» [Каким будет... 2009].

Тема об удручающих перспективах Сургута после того, как нефть закончится, – одна из самых популярных как на научных конференциях, так и в «кухонных» разговорах.

Сегодняшний культурный образ Сургута как «молодого города», «города молодёжи» поддерживается местными властями. Он был унаследован от советского нарратива Сургута как всесоюзной комсомольской стройки. Однако нефтегазовое освоение продолжается уже 50 лет, а Сургут остаётся «городом молодых». В значительной степени это связано с тем, что старики уезжают в более благоприятные по климатическим условиям регионы, возвращаются на «большую землю», откуда родом, а их «места» занимают новые приезжие.

* * *

В заключение следует отметить, что статья не исчерпывает всю характеристику образов и пространств «нефтяного города». Мы осознанно опустили безграничный контекст *«социалистического города»*: обширные пространства спальных районов, промышленная зона, знаковые места военных и революционных событий, т.е. всё то, что встречается в *большинстве* городов России, интенсивно строившихся в советское время.

Анализ городского ландшафта и нарратива Сургута показал, что *полицентричность* образов и пространств современного нефтяного города Западной Сибири опирается преимущественно на контексты, наследуемые с периода нефтегазового освоения и связанные с промышленностью и нефтегазодобывающими отраслями. Именно эта взаимосвязь города и нефтяной индустрии способствовала тому, что Сургут формировался из разрозненных ведомственных пространств, не обрёл единого «лица» и получил в академической среде ассоциацию с *«городом-ведомством»*. Нефтяные компании и сегодня продолжают определять городской архитектурный ландшафт.

Вместе с тем в геокультурном развитии Сургута в 1990-е – 2000-е годы наметилась тенденция *противостояния* этим ведомственным промышленным метанарративам. Городские элиты создают *новую* идентичность, которая направлена на насыщение Сургута историческими, а иногда и *псевдоисторическими* культурными образами и пространствами, призванными преодолеть или скрыть эсхатологические представления о будущем «нефтяных городов» Западной Сибири после того, как богатство природных ресурсов будет исчерпано.

Литература

- Алексеев В.В., Ламин В.А. Прометеи сибирской нефти. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989.
- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Гаврилова Н.Ю., Карпов В.П. Жилищно-гражданское строительство в районах нового промышленного освоения Севера Западной Сибири // Налоги. Инвестиции. Капитал. 2002. №1-2. <http://law.admtuymen.ru/noframe/nic?d&nd=466200576&nh=3>.
- Города Тюменской области. Статистический сборник. Тюмень: Тюменский областной комитет гос. статистики, 1997.
- Груза И. Теория города. М.: Стройиздат, 1972.
- Захаров И.П. На месте старого Сургута // К победе коммунизма. 7 декабря 1983.
- Каким будет Сургут в ближайшее время? Уезжают ли из Сургута молодые семьи и специалисты? // Работа в Сургуте: Форум. [Тема открыта] 01 июня 2009. <http://www.surgut-rabota.ru/theme-509-1.html>.
- Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю. Очерки истории отечественной нефтяной и газовой промышленности. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002.
- Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000.
- Никора К. И времени полёт его не сокрушит // Сургутская трибуна. 2012. № 104. С. 5.
- Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре.: Стат. изд. Ханты-Мансийск: Ханты-Мансийскстат, 2011.
- Сидоров А.Л. В этом городе нам жить, любить, растить детей // Улицы Сургута: Рассказ об именах, встречающихся на карте города. Тюмень: Мандр и Ка, 2006. С. 3-10.
- Чтоб не прерывалась связь времён: Круглый стол редакции // К победе коммунизма. 19 ноября 1983.
- Юрасова М.К., Юрасова Г.М. Нефтяник: [Док. повесть]. М.: Сов. Россия, 1981.